

Я иду весёлым старожилом,
Своё счастье в поле карауля.
По моим пульсирующим жилам
Хлещет солнце русского июля.
Льются звуки, веселы и юны,
Так, что слухом наполняюсь весь я, -
Это тихо солнечные струны
Жаворонок тронул в поднебесье.
А вокруг волнуется пшеница,
Созревая, сияясь разгореться.
Это в ней волнуется частица
Моего пылающего сердца.
Распирают грудь густые ветры,
Так, что я иду, а под ногами
Пройденные мною километры
Кажутся немногими шагами...

О ЧЁМ ГОВОРИТ МОРЕ

1

На земле, как весна, зелёной,
Где шумит и теперь лоза,
Жил мальчишка, в меня влюблённый,
Не выдавший меня в глаза.
В самотканой своей тельняшке
С песней лугом покосным шёл,
И сбежавшиеся ромашки
Принимал он за пену волн.
Ветер с луга катился пряный,
Зажигался луны маяк...
Звал девчонку свою Моряной
Сухопутный смешной моряк.
Встанет где-нибудь на сугоре
И цветам этим в тихий час
Крикнет весело: - Здравствуй, море! -
И не сводит с них влажных глаз.
Я его не слыхало речи,
Но я знаю, он жил мечтой:
Если встретимся,
С первой встречи
Не расстаться ему со мной.

2

Вместе с тучей - громадой чёрной -
Скрылось солнце за горный склон.
Отдыхало я после шторма,
Только что это, вижу: он.
Он, кто часто мечтал когда-то
О знакомстве со мной вдали.
Два не наших, чужих солдата
Мне навстречу его вели.
Даже вздрогнул угрюмый камень,
Что ракушками, мхом оброс, -
Шёл со связанными руками
Не выдавший меня матрос.
Вот он стал над крутым обрывом,
На последнем своём краю.
Только был он таким счастливым,
Словно встретил любовь свою.
Как тогда на родном сугоре,
Где зелёный шумел прибой,
Встал и крикнул он:
- Здравствуй, море!
Вот и встретились мы с тобой.

* * *

Прихожу я к морю поздно или рано,
Я подолгу с ним расстаться не могу.
Словно бронзовая, смуглая Моряна
Ждёт кого-то целый день на берегу.

Точно крылья расправляющая птица,
Кисти рук за головою сплетены.
Подойду - она опустит и смутится,
И замрёт у набегающей волны.
Эх, Моряна, не смотри ты вслед мне косо,
Я не здешний, я пришёл издалека,
Ждут меня в деревне к сенокосу,
Как в путину ждут на море рыбака.
Рассказал бы я тебе про наши зори
Да про волны на некошеном лугу,
Только знаю: не покинешь сине море,
А остаться я у моря - не могу.

* * *

При полном штиле, при шуме волны
На всём протяжении морской гряды
Тюленями греются валуны,
Спины высунув из воды.
Пережили столько людей и стран,
Что стала вдвое старше земля.
Им кланяется даже подъёмный кран,
Нагибаясь на палубы корабля.
За тысячелетья - тысячи гроз,
Тысячи штормов, рождавших гул,
Но каждый валун только в землю врос
И голову молча в плечи втянул.
И в светлую пору, и в дни невзгод
Они равнодушно глядят мне вслед.
И я не сменяю один мой год
На тысячи их безъязыких лет.

* * *

Сибирь, Сибирь, огромна звёздной мощью,
Но как ты расстояньями мала:
Мне до тебя добраться много проще,
Чем от моей деревни до Орла.
Так высоко я, древняя Россея,
Что подо мной, в твоём краю - в моём! -
Мне кажется громада Енисея
Речушкою без имени, ручьём.
Так далеко я, старая Россея, -
Семь тысяч вёрст и семь часов пути,
Но словно в поле вышел по росе я,
Чтоб к вечеру опять домой прийти.
Сибирь, Сибирь, огромна звёздной мощью,
Но как ты расстояньями мала:
Мне до тебя добраться много проще,
Чем от моей деревни до Орла.

НА АНГАРЕ

Не потому ль, широк и ярок,
Стал день сибирский горячей,
Что смешан свет электросварок
Со светом солнечных лучей.
Вокруг на сотни километров,
Лишь только стоит слух напрячь,
Гудят, сливаясь с гулом кедров,
Столбы электропередач.
Рычит, укрытый бурой чащей,
Медведь косматый, как тайга,
А над обрывом МАЗ рычащий
Взобрался к чёрту на рога.
Стучать способность вдруг утратил
И стал прислушиваться вдруг
Притихший дятел, добрый дятел,
Как топоры стучат вокруг.
Глухой, извечный треск ружейный
Доносится издалека,

А рядом взрыв, как в дни сражений,
Скалу бросает в облака.
Тайга, тайга, простор бескраен,
Ты и стара и молода,
Подвисься, слышишь: твой хозяин
Пришёл не в гости - навсегда.

ГОРЯТ ЖАРКИ

Как будто бы к рассвету Млечный Путь
На всю тайгу спустился с высоты:
Где ни пройти, куда ни заглянуть,
Горят жарки - сибирские цветы.
Как будто бы к закату Млечный Путь
На Ангару спустился, и они,
Где ни пройти, куда ни заглянуть,
Горят жарки - ангарские огни.
Но что для нас холодный Млечный Путь,
Коль всюду, горячи и широки,
Где ни пройти, куда ни заглянуть,
Горят и разгораются жарки.

ОКА - СЕЛЕНГА

Я пришёл с Оки, пришёл оттуда,
Где навеки сердце сберегу.
Словно спины дремлющих верблюдов,
Горы окружили Селенгу.
Окружили, обрастя колючей
Вековой щетиною тайги,
А река бежит, бежит под кручей,
Так бежит, что слышатся шаги.
Я стою - и надо же такое! -
Я соединяю две руки:
Руку быстрой Селенги с рукою
Медленной красавицы Оки.

БРИГАДА ДЕСЯТЕРЫХ

В тайге, у седых утёсов,
В чащобе лесов седых,
Живёт Александр Матросов
В бригаде десятерых.
Пройди - и суров и труден
Твой путь по глухим местам, -
В размахе рабочих буден
Матросова встретишь там.
Ни робости и ни страха,
Как будто на той войне,
Пусть даже его рубаха
Сто раз прикипит к спине.
А вечером - сто вопросов
И только один ответ: - Матросов -
всегда Матросов,
Другого в бригаде нет.
Как будто он рядом где-то,
Да только смущён и тих,
И вместо его ответа
Улыбка десятерых.
И вместо его ответа
Кивают бригадой всей,
Как будто бы имя это
У каждого из друзей.
А чтоб не пришлось ребятам
Идти под огнём на дзот,
В фонд мира свою зарплату
Матросов передаёт.
В тайге, у седых утёсов,
В чащобе лесов седых,
Незримо живёт Матросов
В бригаде десятерых.

ГОРНАЯ БАЛЛАДА

О склонах гор, о пастухах, о зверях
Я думал, различая голоса,
Когда передо мной поднялся Рерих,
Глядящий солнцу в самые глаза.
Поднялся гордый и большой из Лета,
Видать, довольный за свою судьбу.
И пусть он далеко, за краем света,
Я мог морщины сосчитать на лбу.
Он шёл спокойно, шёл знакомым, старым,
Весь из земли, из выточенных скал.
Он мне навстречу высыпал отары
И всадников навстречу высылал.
Он шёл, цветастый, шёл, как ходит праздник,
В берете синем - в облачном кольце.
Не семь цветов одной - семь радуг разных,
Скрестясь, сверкали на его лице.
Сверкали: то смеялись, то грустили,
Не разрушая ни одной черты,
Не изменяя найденному стилю
Суровой правды, сущей красоты.
О склонах гор, о пастухах, о зверях
Я думал, различая, голоса,
Когда передо мной поднялся Рерих,
Глядящий солнцу в самые глаза.

* * *

Чудака-русака, чудака отыскали, -
Мне буряты-друзья улыбаются, -
Чудака, что весною купался
В Байкале,
Где и в августе редко купаются.
Я ныряю, и кажется, будто на дне я,
А всплывая, гляжу на громаду скалистую.
И пусть в мире воды
Не найти холоднее,
Непременно я выдержу, выдюжу, выстою.
Я в седую пучину не кану, не кану,
Ну, а кану, а сгину - вода не виновница:
От любви моей буйной
К нему, к великану,
Он добрей, он теплее становится.

ЛИЦОМ К ВОСТОКУ

Всё на земле -
От луговых соцветий
И до соцветий человеческих глаз -
Обращено к Востоку
На рассвете
И солнца ждёт,
Волнуясь каждый раз.
Сильней струятся под корою соки,
И кровь бежит по венам горячей,
Когда земля мечтает
О Востоке,
О роднике из солнечных лучей.
Восток!
Он обласкает, приголубит,
В обиде не оставит никого.
И только ночь одна
Восток не любит,
На Запад убегая от него.

ТИХОМУ ОКЕАНУ

Медленно ворочаешь бока ты,
А реветь -
Куда как ты здоров:

Даже грозы,
Даже их раскаты
Заглушает твой обычный рёв.
У меня любовь к тебе большая,
Слушал бы тебя,
Не спал ночей,
Если б дома,
Рёв твой заглушая,
Не журчал
Наш маленький ручей.

САХАЛИНСКИЕ РЯБИНЫ

По-над кручами Сахалина
Вдоль дороги на всём пути
Полыхающие рябины -
Не уехать и не уйти.
То карабкаются по тропкам -
Повороты и там и тут,
То над самым ущельем робко
Остановятся и замрут.
По горам да по синим долам
К нам спешат они без конца,
Как детишек, прижав к подолам
Любопытные деревца.
По-над кручами Сахалина -
Не умчаться и не свернуть -
Полыхающие рябины,
Как разведанный Млечный Путь.

РЕВНОСТЬ

Записку я оставил на столе.
Её слова давно тебе знакомы:
"Меня не будет месяц на Земле,
Но не грусти: не так уж далеко мы".
Прочтёшь и вспомнишь молодость, жена:
По месяцу то в Братске, то в Каховке.
Теперь с Луны на Марс и вновь Луна, -
Уж эти мне его командировки!
Летит ракета плавно и легко,
Спешит на Марс - опаздывать неловко.
Уже Луна совсем недалеко -
Единственная наша остановка.
Я уношусь всё дальше от полей,
От русского ромашкового лета,
Чтобы успеть попасть на юбилей
Большого марсианского поэта.
Я обернусь назад - передо мной
Плывущий шар - планета голубая,
Где ты мне кажешься такой земной,
Смотрящей в небо, изредка вздыхая.
Я прилунюсь и помашу рукой,
И в этот час ты будешь так близка мне,
Как будто я на камне за Окой,
А не на дальнем синем лунном камне.
Скалистая, безмолвная Луна...
А в эту ночь ты так следишь за нею,
Как будто стала на глазах она
Соперницей бессовестной твоею.
Но год пройдёт, и ты, простясь со мной,
Опять вздохнёшь, моя земная вера:
То хоть дружил он с Марсом и Луной,
Теперь его свела с ума Венера.
Прости меня за все мои мечты,
За то, что я в дороге неизменной,
Но я хочу, чтобы под старость ты
Меня приревновала ко Вселенной.

РАССТОЯНИЯ

Лирическая поэма

I

Ах, этот зайчик посредине хаты,
Он соткан был из рыжих нитей Солнца,
Мне страсть хотелось пересечь всю хату -
Всю хату от стола и до порога,
Где мать стояла и звала меня.
И я держался слабыми руками,
Обеими ручонками держался
За ножку словно вкопанного в землю,
Огромного стола, и эта ножка
Была, наверно, толще малыша.
Стояла мать у дальнего порога,
Ко мне свои протягивая руки,
Горячие, заботливые руки,
И улыбалась солнечной улыбкой:
Не бойся, мол, иди, да посмелей.
И я в ответ ей тоже улыбался,
Глядел, робея, на недвижный зайчик,
Что, словно рыжий кот, мой друг всегдашний,
Дремал на земляном полу, свернувшись,
И нас двоих совсем не замечал.
И вдруг я робко растопырил пальцы,
И сделал шаг, потом второй и третий -
Мне только бы до середины хаты,
Мне только б пальцем зайчика коснуться,
А там коснусь и материнских рук!
Я сделал шаг, потом второй, и третий,
Четвёртый шаг, и вот он, тихий зайчик.
Я замер и слегка потрогал пальцем,
Но он лежал, холодный, равнодушный
И вовсе не похожий на кота.
Стояла мать у дальнего порога,
Ко мне свои протягивая руки,
Горячие, заботливые руки,
И я, за пол цепляясь раскоряшно,
Шёл, зайчика оставив позади.

II

Далёкая пора, начало детства,
Она проникла, поселилась в сердце
Через рассказы матери позднее,
Когда уже мне было семь иль восемь
И я узнал Пахомычев бугор.
Пахомычев бугор, где наша школа
Стояла на отшибе у деревни
И называлась попросту Камчаткой,
Откуда мы, не выполнив урока,
Шли иногда домой по одному.
Бывало, дождь, холодный, как директор,
Через огромный выгон провожает
И хочет в лужу, в лужу опрокинуть,
И норовит в грязи, в грязи испачкать,
И силится до нитки промочить.
И ты бежишь, бежишь по переулку,
И без того промокший весь до нитки,
И прячешь сумку с книгами, с тетрадью,
Где красный карандаш угрюмо вывел
Отметку, что не скрыть ни от кого.
Бежишь по лужам, а в твоих ботинках,
В промокших, раскисающих ботинках,
Вода вот-вот, до боли обжигая,
Начнёт кипеть. А ты бежишь по лужам
И чувствуешь: она и впрямь кипит.
Ах, только бы добраться до порога,
Ах, только бы теперь коснуться двери,
А там и мать к тебе навстречу выйдет,
А там и стол с резною толстой ножкой,
Что так худа в сравнении с тобой.

И лишь, как прежде, зайчика не встретишь,
Он, словно рыжий кот, мой друг всегдашний,
Дремал на земляном полу, свернувшись:
Ему лежать обидно среди хаты
На грязном и натопанном полу.

III

Прощай, Камчатка, где четыре класса,
Мне нужен пятый, и теперь дорога
На десять километров растянулась.
К дождям осенним и к февральским вьюгам
Добавились отныне вечера.
И если ты в райцентре задержался,
Луна не вышла иль успела скрыться,
Идешь на ощупь, путаясь в канавах,
Через густой орешник, мимо леса,
Среди сюжетов сказочных идешь.
И зримой явью сказки обрастают,
Которым ты ещё вчера не верил.
И кажется, уже гудит не ветер,
Не ветер стонет гулко и протяжно
В повисших телеграфных проводах.
Не ветер, нет, и чудится, что это
Плывёт легко над чёрными снегами
Таинственная музыка легенды,
Рождённая на гусях-самогудах
Неведомым гусяром старины.
И уж не дуб раскидистый, лохматый
У той ли у обочины встречает,
А Берендей в высокой куньей шапке,
В огромной шубе, сшитой по заказу
Из тёплых шкур неведомых зверей.
Коль дуб совсем похож на Берендея,
То рядом с ним берёзка не берёзка -
Снегурочка застыла по колению
В сугробе крутобоком, провожая
Тебя в седую коловерт зимы.
Прислушайся, и ты услышишь голос
Среди лесной тоскливой глухомани,
Снегурочкин, знакомый с детства голос,
Так точно мать когда-то говорила:
Не бойся, мол, иди, да посмелей!
Взгляни назад и два огня увидишь,
Наверно, это трактор запоздалый,
А может быть, спешит Иван-царевич
На Сером Волке со своей Еленой,
Чтобы тебя до дома довести.
И ты уж не идешь - летишь, как вьюга,
Скорей бы до околицы добраться,
До старой школы, до твоей Камчатки,
А там хоть разувайся - по сугробам
Ты до порога добежишь босой.

IV

А в майские сиреневые вьюги,
Когда вернулся в хату снова зайчик,
Весёлый зайчик с рыжею спиною,
В ненастье убегающий куда-то,
Я вдруг решил отправиться в Орёл.
О город мой, где столько шумных улиц,
Где, если бы собрать все переулки,
Что тянутся среди моей деревни,
Связать в один, как прутья вяжут в веник,
Не получилось улицы б одной.
Течёт Ока, сплетённая из нитей -
Ручьёв таких же, как ручей в деревне,
И на плечах несёт родного сына,
Назвав его крылатым словом Орлик,
В далёкие седые времена.
Несёт Ока родного сына в гости

К старухе Волге, к матери родимой,
И бабушка причудливая Волга
Ждёт не дожждётся с Орликом свиданья -
Когда ж, Ока, ты внука приведёшь?
Я пугаюсь в сплетенье буйных улиц,
А вижу луговое разнотравье,
Я вижу только зайчика. Мой зайчик!
Он ждёт меня, наверно, среди хаты,
Не кормленный, не поенный никем.
Мне только бы добраться до райцентра,
Где ждут меня плакучие ракиты,
А там, а там... Встречайте, берендеи,
Гонитесь, волки с острыми клыками,
Не страшно мне: мой дом - подать рукой!

V

А позже, взрослый, детство вспоминая,
Шагал по Красной площади нередко,
Где над стеной кремлёвскою свободно
Наш гордый стяг, вобравший пламя солнца,
Манил меня, вздыхая на ветру.
Размашистый, над древнею стеною
Он реет на ветру, оберегая
Покой и мир моей далёкой хаты,
Где на полу уснул мой тихий зайчик
И видит сон, как я к нему спешу.
Теряюсь я в толпе многоязыкой
И представляю и Оку и Орлик,
Что, взгромоздившись матери на спину,
Ждёт не дожждётся с Волгою свиданья,
С неповторимой бабушкой своей.
И если поезд мчал меня обратно
Домой, на юг, в просторы чернозёма,
Я подставлял лицо кругому ветру
И повторял под стук колёс упругих:
"Мне только бы добраться до Орла..."

VI

Могучий ИЛ или курьерский поезд
За тридевять земель меня уносит,
Но где бы ни был я - из дальней дали
Через снега, тайфуны, расстоянья
В лучах светила вижу красный стяг.
И тут же рядом, рядом с красным стягом,
К стене кремлёвской будто примыкая,
Встают мои просторы чернозёма
С зеленокрылым Орликом под кручей,
С Орлом, что собирается в полёт.
С дорогами, бегущими к деревне,
С Камчаткой у Пахомычева среза,
Спалённого минувшею войной,
И с зайчиком, который в пору стужи
Отыскивает место на стене.
Нет, этого вовек я не забуду
И повторять в пути не перестану:
"Мне только бы мою Москву увидеть,
Мне только бы взглянуть на стяг на красный,
А там и мать навстречу выходи!"
Но верю я, придёт, настанет время,
И я на землю буду возвращаться,
Быть может, с той забытой школьной сумкой,
В которой рядом с лунными камнями
Я марсианский камень положу.
Лишь об одном тогда я буду думать:
"Мне только бы Земли моей коснуться,
Ступить хотя б на дальний полуостров,
Что издавна Камчаткою зовётся,
А там - Москва, Орёл и отчий дом!"
Смотреть я буду с Марса иль Сатурна
На звёздочку - мигающую Землю,

Чтобы увидеть маленького внука,
Что улыбнётся мне, как мать когда-то:
Не бойся, мол, лети, да поскорей!
А между мной и внуком неподвижно
Застынет яркий диск Луны холодной,
И я взгляну опять на нашу Землю,
Готовый к ней направить бег ракеты,
И буду думать, как в былые дни:
"Мне только б до Луны теперь добраться,
Где отдохну, и - здравствуйте, земляне!"
И может быть, Луна, в комок свернувшись,
Покажется мне зайчиком из детства,
Лежащим неподвижно на полу.